

— Ты сказал «дисперсоид».

Сы Сяонань на мгновение замер в растерянности, но тут же взял себя в руки и небрежно ответил:

— Тебе слышалось.

Он встал, перешел в другой угол, застеленный пластиком, и принялся дальше раскладывать вату.

«Дисперсоид» — не то слово, которое используется в повседневной речи. Если человек может произнести его без запинки, это значит, что у него как минимум неплохой английский или же он весьма подкован в химии. Янь Хао невольно присмотрелся к нему с любопытством, но не подал вида. Улыбнувшись, он спросил:

— Ты хочешь сделать бомбу с нитроглицерином?

— Угу, — Сяонань даже не поднял головы. — Попробую. Азотная кислота, которую удалось достать, не самой высокой чистоты. Боюсь, в нитроцеллюлозе будет недостаточно азота для мощного взрыва, но для создания зажигательной смеси этого хватит.

Янь Хао молча открыл рот, кивнул и наконец не удержался:

— Кем ты был до всего этого?

— А сам как думаешь? — вопросом на вопрос ответил Сяонань.

Янь Хао долго размышлял, а потом признал:

— Не могу угадать. С такими навыками ты явно прошел профессиональную подготовку. Высококласный телохранитель или сотрудник органов? Если второе, то ты мог иметь дело с химическими взрывчатыми веществами, но только если занимал среднюю или высшую должность в соответствующем профильном подразделении. А в твоём возрасте...

Янь Хао окинул Сяонаня взглядом. Тот выглядел совсем молодым: можно было дать двадцать пять-двадцать шесть, а то и едва за двадцать.

Человек в таком возрасте, умеющий обращаться с оружием, отлично водить машину и изготавливать взрывчатку — на ум приходит лишь один вариант.

Террорист.

У Янь Хао нервно дернулось веко. Он решил прощупать почву:

— ...Ты ведь не сектант?

Сяонань удивился:

— Какая еще секта?

Сяонань аккуратно закончил раскладывать остатки нитроцеллюлозы, стараясь, чтобы пластик с ней не попадал под прямые солнечные лучи при естественной сушке, а затем поднялся и вернулся в заднюю часть цеха — в герметичную лабораторию, которую переоборудовал своими руками.

Янь Хао хотел было последовать за ним, но стоило ему сделать шаг, как Сяонань, словно имея глаза на затылке, бросил:

— Стой там.

Янь Хао пришлось замереть.

Через несколько минут Сяонань вышел из цеха, поставив на пол картонную коробку. Внутри лежали пипетка, лист белой бумаги и железный молоток, а также кожаная мотокуртка и шлем, которые он привез из города Т. Не успел Янь Хао спросить, что происходит, как Сяонань махнул рукой, показывая, чтобы тот отошел подальше.

Сяонань снял белый халат и защитные очки, облачился в мотокуртку и шлем, застегнув молнию до самого подбородка. Плотнo упаковавшись, он набрал пипеткой раствор из пробирки и осторожно капнул на бумагу.

Затем отложил лист, взял молоток и глубоко вдохнул.

В этот момент со стороны курятника раздался пронзительный вопль — какая-то курица, явно перевозбудившись, с шумом взлетела и бросилась на открытую площадку.

Чжоу Жун рванул следом, крикнув:

— Не улетай!

Бам!

Сяонань с силой ударил молотком по бумаге. Нитроглицерин бурно среагировал, и в ту же секунду прогремел ошеломительный взрыв!

Взрывная волна скоростью в семь с половиной тысяч метров в секунду породила ослепительную вспышку. Янь Хао не успел даже среагировать, почувствовал лишь мощный толчок и отшатнулся на несколько шагов назад!

Бам! Курица, забрызганная кровью, рухнула на землю.

— Сяонань!

Сяонань сидел на полу, Янь Хао бросился к нему на помощь. От бумаги не осталось и следа — она превратилась в пепел, а на земле красовалась яма размером с чашку, присыпанная мелкой крошкой.

Янь Хао отродясь не видел такого самоотверженного ради науки человека. Он долго тыкал пальцем в яму, не в силах вымолвить ни слова. Сяонань снял треснувший шлем и с облегчением выдохнул:

— Так что ты там спрашивал про секту?

— ... — Янь Хао ответил:

— Ничего. Ничего особенного.

— Товарищи, — слышался за спиной ехидный голос Чжоу Жуна.

Оба обернулись. Двор был усеян перьями, а Чжоу Жун, перепачканный кровью, держал в руках бездыханную курицу с вывернутой шеей.

— Я не против ваших научных экспериментов, но, учитывая, что это был единственный самец в курятнике... — он помахал куриной головой перед носами Сяонаня и Янь Хао и холодно добавил:

— Поздравляю, программа по разведению птицы официально сорвана.

Сяонань потер нос:

— На ужин будет жареная курица?

Вечером жареной курицы не было, зато была курица с маринованными овощами — каждому в убежище досталось по маленькой ложке.

— На всех жареной не хватит, — объяснил Чжоу Жун Сяонаню и добавил с серьезным видом:

— Надеюсь, ты не станешь ради личных интересов каждый день взрывать нитроглицерин у входа в курятник. Нам все-таки нужны яйца.

Он переложил свою порцию куриного мяса в миску Сяонаня. В этот момент с другой стороны круглого стола Го Вэйсян, ковыряясь в куриных костях, вдруг издал долгий вздох:

— Эх... хорошо быть петухом в следующей жизни.

Чуньцао удивилась:

— Ты чего наелся, Сянцзы?

— Да что ты понимаешь! Если родишься петухом, у тебя как минимум будет свой гарем из двадцати кур, и каждый день можно наслаждаться тем, как они ревнуют друг к другу. А что будет, если не повезет родиться Альфой?

Го Вэйсян поднял куриную косточку и с философской тоской уставился на нее:

— При нынешнем гендерном соотношении АВО придется драться насмерть с двадцатью Альфами за одного Омегу. Если ты Бета — дела еще хуже: найти девушку-Бету, чтобы создать семью — и то задача не из легких, а об Омеге можно даже не мечтать. Так и до гомосексуализма докатиться недолго...

Чуньцао заметила:

— У тебя опасные мысли, товарищ. Давай не будем так легко сдаваться перед лицом жизни, ладно?

— Да однополая любовь — это не конец света. Если вирус продолжит распространяться, будущее человечества — за ней. Впрочем, если уж выбирать, то точно не капитана...

Чжоу Жун: «?»

— Янь Хао — неплохой вариант, — подумал Го Вэйсян и тут же сам себя опроверг:

— Жаль только, он слишком мощный. С таким темпом он скоро превратится в Кинг-Конга в

юбке, а если вдруг...

Янь Хао, услышав свое имя, обернулся от соседнего стола:

— Что обсуждаете?

Чуньцао рассмеялась:

— Сянцзы обсуждает возможность того, чтобы замутить с тобой.

Янь Хао отреагировал так, будто услышал отменный анекдот, и, поочередно указывая на себя и на Го Вэйсяна, спросил:

— Кто с кем? Давай сегодня вечером попробуем?

Го Вэйсян поспешно поднял руки, сдаваясь, и вдруг, заметив через стол Сяонаня, выпалил:

— Точно! Можно замутить с Сяонанем!

Сяонань приподнял веко над краем миски и холодно уставился на Го Вэйсяна.

Товарищ Сянцзы расхохотался и попытался по-приятельски приобнять Сяонаня за плечи, но особой поддержки за столом не встретил. Только Чжоу Жун с интересом вставил:

— Сянцзы, не балуйся. Наш товарищ Сяо Сы на тебя не позарится.

Го Вэйсян удивился:

— Правда?

Ответом Сяонаня было то, что он неторопливо, но непреклонно убрал руку парня со своего плеча и спокойно произнес:

— Быть Бетой хорошо, это лучше, чем быть Альфой. Не стоит себя недооценивать.

Го Вэйсян открыл рот, чтобы что-то ответить, но Сяонань добавил:

— Если бы вы не были Бетами, я бы, возможно, пожалел о том, что так рисковал, спасая вас в городе Т.

Фраза Го Вэйсяна «Да мы и не Беты» застряла у него в горле, словно он проглотил неразжеванное яйцо.

Спецназовцы за столом во все глаза смотрели на Сяонаня. Тот отправил в рот кусочек картошки и внезапно заметил, что стало подозрительно тихо:

— Что случилось?

— ... — Чжоу Жун медленно произнес:

— Товарищ Сяо Сы, ты сейчас что сказал? Я-то думал, ты сторонник гендерного равенства...

Сяонань усмехнулся:

— Кто, я? Никогда им не был. Я всегда свысока смотрел на Альф.

Последовала томительная тишина, пока Янь Хао наконец не задал тяжелый вопрос:

— Почему?

— Наверное, потому что они создают лишние проблемы, — подумал Сяонань и добавил ровным тоном:

— Многие Альфы сейчас слабы, и в случае опасности приходится тратить силы на их защиту. К тому же эта их закоренелая заносчивость... Все твердят, что они самые совершенные люди с точки зрения генетики, но на деле — лишь существа с не до конца эволюционировавшей животной природой.

Он доел остатки риса, отложил палочки и удивленно обвел всех взглядом:

— Я наелся. А вы что, не едите?

Под его подозрительным взглядом за столом воцарилось долгое молчание. Никто не произнес ни слова и не шелухнулся.

Спустя некоторое время Чжоу Жун кашлянул и объяснил:

— У нас сегодня... аппетита нет.

Ужин закончился в неловкой тишине; даже Чуньцао не осилила свою третью порцию.

С тех пор как они обосновались на заводе удобрений, каждый вечер двое спецназовцев с группой из десяти человек заступали в дозор, пока остальные тренировались во дворе, учились приемам рукопашного боя, проверяли проволочные ограждения и систему охраны вокруг цехов.

<http://bllate.org/book/18107/1738842>